

Институт соучастия в преступлении с позиции категорий общего, особенного и единичного: некоторые дефекты нормативно-правового регулирования

© Е.А. Куликов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые дефекты уголовно-правового института соучастия с точки зрения категорий общего, особенного и единичного. Анализируется понятие дефекта нормативно-правового регулирования, подходы к этому понятию в теории права. Дается обзор исследований дефектов в уголовном праве, делается вывод о том, что преимущественно анализируется иное явление – ошибка, дефекту уголовно-правового регулирования не уделяется необходимое внимание. Определяются закономерности проявления категорий общего, особенного и единичного в уголовном праве через понятийно-терминологический аппарат, т. е. через понятия разных уровней абстракции, а также через соотношение и взаимодействие общих и специальных норм уголовного права, через преодоление их конкуренции. Обосновывается необходимость изучения дефектов уголовно-правового регулирования ответственности за преступление, совершенное в соучастии. Определяются два фундаментальных дефекта уголовно-правовой регламентации соучастия, представляющие собой несоответствие нормативной основы предмету правового регулирования. Во-первых, это отсутствие отражения в уголовном законе смежных с соучастием проявлений множественности лиц на стороне субъекта преступления, что затрудняет отграничение от них соучастия. Во-вторых, это несогласованность между нормами института соучастия в Общей части Уголовного кодекса РФ и в Особенной части Уголовного кодекса РФ, выражающаяся, в частности, в появлении в статьях Особенной части УК РФ форм соучастия, не имеющих эквивалента в ст. 35 УК РФ. Предлагаются варианты преодоления этих дефектов.

Ключевые слова: диалектика уголовного права, категории диалектики, категории общего, особенного и единичного, дефекты нормативно-правового регулирования, институт соучастия, прикосновенность к преступлению, формы соучастия

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20-011-00121 «Теория общего, особенного и единичного в уголовном праве России: методологические, технико-юридические и прикладные аспекты».

Для цитирования: Куликов Е.А. Институт соучастия с позиций диалектики общего, особенного и единичного: некоторые дефекты нормативно-правового регулирования // *Социальная компетентность*. 2021. Т. 6. № 1. С. 6–15.

The institution of complicity in a crime from the perspective of the categories of general, special and singular: some defects of legal regulation

© Egor A. Kulikov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract: The article examines some of the defects of the criminal law institution of complicity from the point of view of the categories of general, particular and individual. The concept of a defect in legal regulation and approaches to this concept in the theory of law are analyzed. An overview of studies of defects in criminal law is given, it is concluded that another phenomenon is mainly analyzed - a mistake, the necessary attention is not paid to a defect in criminal law regulation. The regularities of the manifestation of the categories of general, special and individual in criminal law through the conceptual and terminological apparatus are determined, i.e. through the concepts of different levels of abstraction, as well as through the relationship and interaction of general and special norms of criminal law, through overcoming their competition. The necessity of studying the defects of criminal law regulation of liability for a crime committed with complicity is substantiated. The article identifies two fundamental defects in the criminal law regulation of complicity, which represent a discrepancy between the regulatory framework and the subject of legal regulation. Firstly, this is the lack of reflection in the criminal law of the manifestations of a plurality of persons adjacent to complicity on the side of the subject of the crime, which makes it difficult to distinguish complicity from them. Secondly, this is the discrepancy between the norms of the institution of complicity in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and in the

Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, expressed, in particular, in the appearance in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation of forms of complicity that have no equivalent in Art. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. Variants of overcoming these defects are proposed.

Keywords: dialectics of criminal law, categories of dialectics, categories of general, special and singular, defects of legal regulation, institution of complicity, involvement in a crime, forms of complicity

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20-011-00121 "Theory of the general, special and singular in the criminal law of Russia: methodological, technical, legal and applied aspects".

For citation: Kulikov E.A. (2021) The institute of complicity from the standpoint of the dialectics of the general, the particular and the individual: some defects of legal regulation // *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence Social*. Vol. 6. No. 1. P. 6–15. (In Russ.)

Введение

Дефекты нормативно-правового регулирования не являются чем-то принципиально критичным для работоспособности правовой системы. Они свидетельствуют о наличии в нормах потенциальных направлений развития, совершенствования, указывают на сферы, к опосредованию которых необходимо проявить пристальное внимание, являются показателем живости и динамичности любого регулирования. Право относительно предмета правового регулирования статично, его предписания могут опережать развитие социальных отношений, или отставать от них. Кроме того, праву, как системе правовых текстов, присущи внутренние закономерности, пробелы, коллизии, которые также обуславливают дефекты нормативно-правового регулирования. Таким образом, указанные дефекты представляют собой обычное явление, штатную ситуацию, задача исследователя – выявлять их, оценивать негативное влияние на всю социорегулятивную систему, и, исходя из этого, предлагать варианты преодоления дефектов.

В теории права на сегодняшний день сложилось несколько вариантов определения дефектов в праве. Н.А. Власенко под дефектами системы права в свое время предлагал понимать «нарушения, деформации логико-структурного построения и развития системы права и ее элементов, в том числе нормативных актов» (Власенко, 1991). И.П. Кожокарь к этому добавляет, что «конструктивные дефекты представляют собой либо недостатки структуры норм права, либо недостатки структуры нормативных правовых актов» (Кожокарь, 2019). В другой работе он определяет искомое понятие, указывая, что «под дефектами нормативно-правового регу-

лирования (как нормативной части механизма правового регулирования в целом) следует понимать недостатки (несоответствие стандарту качества) социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры норм права, а также их содержащих нормативно-правовых актов, приводящие к снижению эффективности, неэффективности либо антиэффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений» (Кожокарь, 2019). Г.Р. Сибгатуллина разграничивает понятия «дефект права» и «юридическая ошибка», указывая, что «если у дефекта права всегда есть негативный результат, то юридическая ошибка может за собой повлечь позитивные последствия, юридическая ошибка зависит от сознания человека и наличия правового эталона, а дефект права может существовать независимо от воли человека и не всегда является следствием несоответствия правовой нормы правовому идеалу» (Сибгатуллина, 2012). М.А. Соколова формулирует определение понятия «дефект юридического документа», под которым предлагает понимать «изъян, состоящий в несоответствии формы и (или) содержания юридического документа нормам законодательства, а также потребностям правового регулирования общественных отношений, возникающий в результате умышленной или ошибочной деятельности лиц, создающих, принимающих, перерабатывающих юридические документы, и влекущий за собой ухудшение качества юридического документа» (Соколова, 2016). В другой работе этот автор предлагает определение несколько иного понятия – «дефект нормативного правового акта»: «это несовершенство, состоящее в несоответствии нормативного правового акта одному или нескольким требованиям юриди-

ческой техники, влекущее снижение пригодности нормативного правового акта или его непригодность» (Соколова, 2018). Наконец, А.Ю. Викулин указывает, что «под законодательными дефектами мы понимаем законодательные положения, которые имеют логические, лингвистические и (или) методологические изъяны, расходятся с Конституцией и обусловлены неверной законодательной аксиологией, нарушением правил законодательной техники и (или) законодательного процесса» (Викулин, 2019).

Необходимо отметить, резюмируя приведенные трактовки дефектов в праве, что все они так или иначе охватывают многообразие недочетов и недостатков в правовых феноменах, при этом дефекты различаются в зависимости от уровня, стадии и содержания правового регулирования. Учитывая предмет исследования настоящей статьи – уголовно-правовой институт соучастия, ограничимся дефектами нормативно-правового регулирования, и такой их разновидностью, как законодательные дефекты. Приемлемыми определениями названных понятий следует считать предлагаемые И.П. Кожокарем и А.Ю. Викулиным, будем также учитывать, что законодательный есть особенное по отношению к нормативно-правовому дефекту. Дефекты в уголовном праве имеют существенную черту, не характерную для других правовых отраслей, но при этом не выводящую их за пределы общеправовой характеристики. Состоит эта черта в том, что каждый такой дефект ставит сомнения в основании уголовной ответственности, либо, по меньшей мере, в основании той или иной определенной меры уголовного наказания. Принятый в отечественном уголовном судопроизводстве достаточно строгий стандарт доказывания (недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности, при этом бремя доказывания возлагается на сторону обвинения) предъявляет и не менее строгие требования к материальному уголовному праву, среди которых можно назвать и принцип определенности уголовно-правового запрета, и принцип точных составов. В связи с чем, для учения об уголовно-правовых дефектах важно обозначить цель как стремление к их минимизации, возможному сведению к нулю.

Материалы и методы

Исследование категорий диалектики в правовой сфере опирается на диалектический подход к познанию явлений и процессов. Он предполагает не просто познание явления в его развитии, но в данном случае опирается на категории и законы диалектики. Категории диалектики применительно к предмету настоящего исследования выступают инструментом познания сущности и содержания уголовно-правовых явлений. Общее, особенное и единичное, как характеристики понятия, обращены на уголовно-правовое понятие преступления и его разновидности, а также на уголовно-правовое понятие состава преступления и его конструктивные свойства.

Дефекты уголовно-правового регулирования исследуются посредством формально-юридического анализа уголовно-правовых норм, сравнения и сопоставления формулировок, выявления стилистических и лингвистических неточностей, противоречий. Кроме того, такие дефекты находятся путем обращения к толкованию уголовно-правовых предписаний, для чего используется метод толкования права. С помощью формально-юридического метода исследуются акты официального толкования права (постановления Пленума Верховного Суда РФ), представляющие собой правовые тексты, подчиняющиеся правилам формальной логики и требованиям юридической техники.

Уголовно-правовой институт соучастия в рамках настоящей статьи выступает материалом для исследования, поскольку он достаточно подробно представлен нормами УК РФ, обстоятельно истолкован Верховным Судом РФ, а также в силу ряда реформ имеет достаточное количество дефектов нормативно-правового характера, некоторые из которых концептуальные, представляют собой нарушения логики категорий общего, особенного и единичного, и рассматриваются в настоящей статье.

Результаты

Наука уголовного права России пока что не представила специально посвященного дефектам уголовно-правового нормативного регулирования, хотя смежные явления, такие

как ошибка в уголовном праве, оказываются в векторе внимания отдельных научных работ. Речь при этом идет не о субъективной ошибке в рамках учения о вине субъекта (этот вопрос разработан достаточно обстоятельно), а об ошибке в широком смысле. «Юридическая ошибка, – отмечает Р.А. Сабитов, – это неправильные действия (бездействие) лица в сфере права, обусловленные его заблуждением, неведением или просмотром» (Сабитов, 2021). Это наиболее общее определение ошибки в уголовном праве конкретизируется другими авторами при рассмотрении отдельных видов таких ошибок. «Квалификационные ошибки, – по мнению В.В. Колосовского, – вызванные заблуждением субъекта правоприменения неправильности в его действиях, заключающиеся в неточном или неполном установлении соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления или иного уголовно-правового деяния» (Колосовский, 2011). Если обратиться к смежной отрасли уголовно-процессуального права, то, например, А.Д. Назаров дает определение ошибки в уголовном судопроизводстве: «Ошибка (следственная, судебная) – это не содержащее признаков уголовно наказуемых деяний незаконное или необоснованное действие или бездействие субъектов, ведущих уголовный процесс, развившееся в неполноте, односторонности и необъективности исследования указанными субъектами обстоятельств уголовного дела, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, соответствующее их субъективному отношению к назначению уголовного судопроизводства и объективно препятствующее его нормативно-заданному достижению в виду получения (или возможности получения) неправильного процессуального результата (решения)» (Назаров, 2017).

В приведенных определениях ошибки в уголовном праве и ошибки в уголовном судопроизводстве обращают на себя внимание два ключевых момента. Во-первых, речь идет об ошибке в ходе юридически значимой деятельности, что максимально раздвигает гра-

ницы этого явления. Юридическая деятельность многообразна, и правовое регулирование, в особенности, нормативное, – это лишь малая ее часть. Во-вторых, ошибка рассматривается как явление субъективного характера, она всегда чья-то, т. е. подразумевает некто, кто ошибается. Если же вести речь о дефекте в праве, то это явление в большей степени объективного порядка, в том смысле, что он существует в рамках позитивного права как системы правовых текстов, содержащих общеобязательные правила поведения. Правовые тексты, выступающие результатом правотворчества или правоприменения имеют, разумеется, автора, но в силу сложившихся традиций правопонимания он обезличивается, и нормативный правовой акт или правоприменительный как бы рассматриваются сами по себе. Правовым текстам собственная внутренняя логика и собственные закономерности существования присущи неотъемлемо, учитывая, что они регулируют динамичные общественные отношения, в преломлении к изменениям в последних, одни и те же фразы и выражения, и даже слова, могут приобретать разный смысл. И, например, дефект, изначально отсутствующий в акте в момент создания, может в дальнейшем проявиться в ходе встраивания его в систему права, или в ходе реализации в правовой жизни социума. В связи с этим правы И.П. Кожокар, А.Ю. Викулин и другие ученые, исследующие дефекты нормативно-правового регулирования, когда предлагают различать ошибку субъекта правотворчества и дефект правового акта, и рассматривать первую как одну из причин второго. В силу чего изучение ошибок в уголовном праве и смежных отраслях не снимает вопроса о дефектах нормативно-правового регулирования в названных предметных областях.

Одним из наиболее интересных уголовно-правовых институтов на предмет их анализа с точки зрения дефектов уголовно-правового регулирования выступает институт соучастия в преступлении. Обусловлено это рядом причин объективного и субъективного порядка. Во-первых, это достаточно подробно регламентированный в УК РФ правовой институт, имеющий юридическое выражение как в

статьях Общей части УК РФ, так и в статьях Особенной части УК РФ. Кроме того, положения УК РФ, содержащие нормы института соучастия, получили детальное толкование в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по различным категориям дел. Это обстоятельство дает значительный материал для формально-юридического анализа дефектов нормативно-правового регулирования соучастия в преступлении.

Во-вторых, без преувеличения можно сказать, что это наиболее исследованный институт уголовного права России. Нормы о соучастии в преступлении постоянно привлекают внимание ученых-юристов. Например, Е.В. Благов, анализируя определение и признаки соучастия в преступлении, приводит восемнадцать вариантов формулирования этих признаков, и говорит о том, что возможно это не вся палитра мнений о признаках нормативного определения соучастия в преступлении (Благов, 2021). Существует, таким образом, не менее богатый, чем нормативный, теоретический материал для анализа дефектов института соучастия и проведения научных обобщений существующих подходов. Следует заметить, что имеющееся обилие научных исследований соучастия в преступлении не разрешает всех проблем правотворчества и правоприменения, более того, с принятием отдельных законодательных решений (например, ст. 110.1, 110.2 УК РФ, и т. п.) эти вопросы множатся. Авторы скорее выражают, как правило, свою собственную позицию относительно существующих проблем как, например, Н.А. Бабий (Бабий, 2013), что тоже весьма интересно, но она не всегда в принципе применима к состоянию нормативного правового регулирования соучастия.

Наконец, в-третьих, применительно к институту соучастия в преступлении существуют проблемы достаточно глобального порядка, так сказать, фундаментальные дефекты нормативно-правового регулирования, т. е. дефекты несоответствия норм права предмету правового регулирования, и они достаточно редко законодателем и Верховным Судом РФ устраняются, а как правило, множатся. Удачным решением можно назвать редакцию ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ, проведен-

ную Федеральным законом от 3 ноября 2009 года № 245-ФЗ, когда сплоченность в определении преступного сообщества (преступной организации) была заменена на более адекватную структурируемость (вполне справедливой следует признать критику сплоченности как не характерного для таких масштабных преступных формирований свойства), а недоказуемое практически объединение организаторов, руководителей и иных представителей организованных групп было заменено собранием этих же лиц, и норма стала работоспособной. Не менее удачно было продолжение этой реформы и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Однако, сразу же, с введением в ст. 210 УК РФ специального субъекта «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», были созданы новые проблемы для теории и судебной практики. Сказанное не снимает актуальности с исследования проблем соучастия в преступлении.

В качестве одного из инструментов выявления дефектов нормативно-правового регулирования, в т. ч. в рамках отрасли уголовного права, могут выступать категории общего, особенного и единичного, взятые в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Эти категории проявляются в уголовном праве, как минимум, при соотношении между собой законодательных и доктринальных понятий уголовно-правовых явлений (общие, особенные и единичные понятия), а также при конкуренции общих и специальных норм и ее преодолении.

Что касается института соучастия в преступлении, то при анализе его правовой регламентации мы сталкиваемся со значительным количеством законодательных дефектов, а также с весьма любопытным судебным толкованием на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ. В теории уголовного права ни одно законодательное или правоприменительное решение не прекращает дискуссий по тому или иному вопросу, не ставит точку в этих спорах, а порождает серию новых. Представляется интересным

остановиться на некоторых решениях законодателя, которые с точки зрения соотношения общего, особенного и единичного вызывают вопросы и недоумение.

Первым можно считать отказ от выделения понятия и общих принципов смежного с соучастием института прикосновенности к преступлению на уровне Общей части уголовного закона. Хотя, например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в отделении третьем главы первой раздела первого содержало две статьи, регламентирующие универсальные формы прикосновенности к преступлению – укрывательство, попустительство и недоносительство (Чистяков, 1988). В советском уголовном праве недонесение, например, на уровне Общей части УК РСФСР 1926 г. сохраняется в ст. 18, но прямо отсылает к Особенной части, аналогичные правила относительно укрывательства и недонесения содержались в ст. 18 и 19 УК РСФСР 1960 года (Хачатуров, Кленова, 2016). В действующем УК РФ, несмотря на попытку свести прикосновенность к преступлению к минимуму (до заранее не обещанного укрывательства особо тяжкого преступления в ст. 316 УК РФ), она в конце концов с 2016 года восстанавливается в полном объеме в Особенной части (вводится ст. 205.6 «Несообщение о преступлении»), но на уровне статей Общей части каких-либо изменений, отражающих возрождение института прикосновенности, смежного с институтом соучастия в преступлении, не производится.

Вызывает вопросы отсутствие до сих пор уголовно-правовой регламентации ещё одного смежного с соучастием в преступлении явления – неосторожного сопричинения, сущность которого обстоятельно исследована в научной литературе. А.В. Курсаев под неосторожным сопричинением предлагает понимать «совершение несколькими лицами противоправных в силу нарушения установленных правил безопасности взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой действий (бездействия), совершаемых одновременно либо следующих друг за другом, являющихся частью их общего поведения в силу объективно и субъективно существующей связи между ними, повлекших по не-

осторожности наступление либо создавших угрозу наступления единого для них общественно опасного результата, предусмотренного уголовным законом» (Курсаев, 2015). С одной стороны, при неосторожном сопричинении сопричинители несут ответственность самостоятельно каждый в отдельности за совершенное ими неосторожное преступление. С другой, это пограничные соучастия в преступлении, которые требуют четкого размежевания с ним на уровне уголовного закона, поскольку речь идет как о криминализации поведения, так и о повышенной в случае наличия, как минимум, группы лиц, ответственности.

Необходимо также указать на существование ещё двух смежных с соучастием в преступлении явлений – это совершение преступления путем использования лица, не подлежащего уголовной ответственности (посредственное причинение), и совершение преступления совместно с лицами, не подлежащими уголовной ответственности (т. н. групповой способ) (Наумов, 2018). Ни то, ни другое явление не подпадают под признаки соучастия в преступлении, отраженные в его определении в ст. 32 УК РФ, но при этом первое из них с точки зрения нормативной оболочки относится к институту соучастия (ч. 2 ст. 33 УК РФ), второе же по характеру и степени общественной опасности аналогично групповому соучастию (следует согласиться со сторонниками точки зрения о необходимости вменения субъекту преступления группового совершения преступления, если он совершает его совместно с несубъектами преступления, поскольку объекту посягательства причиняется вред точно такой же, как если бы был причинен надлежащими субъектами, вопрос лишь в возможности привлечения к ответственности (Галиакбаров, 2000). Отсутствие уголовно-правовой регламентации названных явлений затрудняет проведение четкой границы между ними, и формами соучастия в преступлении, что в конечном счете отражается на квалификации действий лица, совершившего преступление в соучастии, в частности, на более точной уголовно-правовой оценке характера и степени общественной опасности преступления, что может привести к вынесению несправедливого приговора.

Важно иметь в виду, что соучастие в преступлении, как уголовно-правовое явление и понятие, не охватывает всего многообразия совершения преступлений несколькими (многими) лицами, но при этом только оно нашло отражение в общих нормах УК РФ, остальные выводятся из смысла различных статей как Общей, так и Особенной части УК РФ. В уголовно-правовой литературе в течение более чем тридцати лет предпринимаются попытки определить общее по отношению к соучастию в преступлении, прикосновенности к преступлению и другим смежным с ними явлениям понятие, которое бы включило объединяющие данные явления признаки. В этой связи интересно мнение Р.Р. Галиакбарова, который одним из первых поставил вопрос о второй в уголовном праве множественности, наряду с множественностью преступлений, – о множественности на стороне лица, совершившего преступление. «Представляется, что множественность в уголовном праве охватывает не только область преступления, но и касается также субъекта преступления и иных уголовно-неответственных лиц, так или иначе причастных к событию преступления и влияющих на характер и степень общественной опасности этого преступления. Под этой формой следует понимать прямо предусмотренное уголовным законом стечение нескольких физических лиц (субъектов, уголовно-неответственных лиц) в рамках одного преступления. При этом каждое такое физическое лицо обязательно должно быть причастно к одному преступлению. Проявления видов причастности могут как совпадать по своим признакам, так и отличаться по характеру поведения лица в преступлении и оценке такого поведения уголовным законом. Однако одно преступление во всех случаях выступает тем цементирующим началом, которое объединяет виды (варианты) стечения нескольких лиц – в одну форму – множественность участников одного преступления» (Галиакбаров, 1987). С этой точки зрения получается, что общим понятием по отношению к особому – соучастию в преступлении – выступает множественность лиц в преступлении.

Аналогичным образом рассуждает Н.А. Бабий, также рассматривающий явление и

понятие соучастия в преступлении в ряду смежных категорий, образующих вместе более общее явление – множественности лиц в преступлении. «Множественность лиц в преступлении – участие двух или более лиц в совершении преступления или в организованной преступной деятельности, а также прикосновенность к преступлению или организованной преступной деятельности» (Бабий, 2013). В этом же направлении рассуждают Ю.А. Клименко и Д.М. Молчанов, выделяя соучастие в преступлении и множественность лиц без признаков соучастия, при этом к последнему они относят неосторожное сопричинение и разные виды прикосновенности к преступлению (Клименко, Молчанов, 2018). Анализируя приведенные, а также другие позиции относительно смежных соучастию в преступлении явлений, можно констатировать наличие существенного пробела в положениях Общей части УК РФ, выражающегося в отсутствии полноценной регламентации смежных с соучастием в преступлении явлений, который время от времени вызывает сложности в правоприменительной практике. Преодолеть этот дефект можно было бы, закрепив в отдельной статье УК РФ не являющиеся соучастием варианты множественности лиц на стороне лица, совершившего преступление, а также предложив в дефинитивной норме какое-либо общее определение понятия множественности лиц в преступлении.

Налицо содержательный дефект уголовно-правового регулирования соучастия в преступлении. Нормы главы 7 УК РФ выражают определенную доктринальную версию видения множественности лиц на стороне субъекта преступления (поскольку пока что нет устоявшегося термина для этого явления в целом, возможны терминологические вариации, обозначающие, по большому счету, одно и то же), но на сегодняшний день не в полном объеме охватывают варианты этой множественности, а также не позволяют четко отделить соучастие в преступлении от смежных форм множественности. Отрицательный признак «не содержащие признаков соучастия» можно считать допустимым с точки зрения уголовного закона, но это дефект с позиций формальной логики (Кожокарь,

2019). Понятийно-терминологическая «недосказанность» порождает сложности в конкретизации признаков составов преступлений в статьях Особенной части УК РФ и вызывает вопросы в обосновании уголовной ответственности лица за то или иное деяние.

Подобная же недосказанность может быть выявлена при анализе форм соучастия в Общей и Особенной части УК РФ. Так, ч. 5 ст. 35 УК РФ перечисляет террористическое сообщество, незаконное вооруженное формирование, банду, экстремистское сообщество в качестве разновидностей организованной группы, отдельно называет преступное сообщество (преступную организацию). Но даже к этому перечню есть вопросы, поскольку дефиниция организованной группы в ч. 3 ст. 35 УК РФ указывает на изначально преступную цель организованной группы, а незаконное вооруженное формирование не содержит в ст. 208 УК РФ указания на такую цель как на необходимый признак. Не спасает положения и формулировка в пп. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где сказано, что «под незаконным вооруженным формированием в статье 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации)». Перечень целей здесь примерный и общего указания на то, что они обязательно преступные, нет.

Помимо перечисленных в ч. 5 ст. 35 УК РФ видов организованной группы, Особенная часть УК РФ называет такие формирования, как террористическая организация, экстремистская организация, религиозное или общественное объединение, деятельность которых сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, некоммерческая организация, деятельность которой сопряжена с побуждением

граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний. С точки зрения Общей части определить их статус невозможно, по видимому они представляют собой самостоятельные формы соучастия. На это отчасти указывает, например, В.П. Карлов, анализируя основания выделения форм соучастия (Карлов, 2018). Проблемы с идентификацией названных формирований с точки зрения соучастия (или иного подобного уголовно-правового явления, например, сговора) порождают вопросы относительно квалификации действий их участников или организаторов (руководителей). Например, можно ли применять к ним положения ч. 5 ст. 35, или ч. 7 ст. 35 и вытекающих из нее положений УК РФ, если они не упоминаются в этих нормах, и не обладают одним из ключевых признаков организованной группы.

С точки зрения категорий общего, особенного и единичного особенные понятия в ст.ст. 205.5, 282.2 и 239 УК РФ выходят за рамки общих понятий в ст. 35 УК РФ. Следовательно, они должны обладать своим собственным общим понятием. Таковым можно считать соучастие в преступлении (хотя эта позиция оспаривается, и преступные формирования рассматривают по аналогии с американским уголовным правом в русле доктрины сговора, либо же как организованную преступную деятельность), поскольку иного эквивалента множественности лиц на стороне субъекта в УК РФ нет. По этой логике на названные в перечисленных статьях формирования распространяются только самые общие нормы о соучастии, но не распространяется ст. 35 УК РФ, поскольку адекватных им форм соучастия в этой статье нет. Вторым содержательным дефектом института соучастия, таким образом, будет выступать несогласованность положений Общей и Особенной частей УК РФ, в частности, не соответствие этих положений принципу взаимосвязи общего и особенного понятия, при котором особенное не должно выходить за рамки общего.

Заключение

Таким образом, вряд ли можно признать уголовно-правовой институт соучастия с по-

нятийно-терминологической точки зрения совершенным. Во-первых, на сегодняшний день не определены ключевые понятия для явлений, образующих множественность на стороне субъекта деяния, что порождает бесконечные дискуссии в теории, и вызывает сложности с квалификацией по признаку совершения группой лиц на практике. Во-вторых, наблюдается все возрастающая несогласованность между положениями Общей части УК РФ и Особенной части УК РФ касательно форм соучастия с точки зрения взаимосвязи общего, особенного и единичного. Количество этих форм в Особенной части с момента принятия уголовного закона в 1996 году стремится к бесконечности. В качестве

варианта преодоления названных дефектов можно назвать упорядочение терминологии, отражение в Общей части УК РФ не только соучастия в преступлении, но и других вариантов множественности на стороне субъекта, а также приведение в соответствие форм соучастия в Общей части УК РФ формам соучастия в Особенной части УК РФ. Дефиниции в ст. 35 УК РФ можно сделать более универсальными, чтобы они охватывали все преступные формирования в Особенной части уголовного закона. В таком случае будет выполнено конституционное требование правовой определенности применительно к уголовно-правовому институту соучастия.

Библиографический список / References

- Бабий Н.А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
Babii N.A. (2013) Plurality of persons in a crime and the problem of the doctrine of complicity: monograph. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)
- Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: монография. М.: Юрлитинформ, 2021.
Blagov E.V. (2021) Complicity in a crime and criminal responsibility: monograph. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)
- Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов: монография. М.: Норма, 2019.
Vikulin A.Yu. (2019) Beginnings of the theory of legislative defects: monograph. Moscow: Norma. (In Russ.)
- Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3.
Vlasenko N.A. (1991) Logical and structural defects of the system of Soviet law. *Pravovedenie = Pravovedenie*. No. 3. (In Russ.)
- Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: КубГАУ, 2000.
Galiakbarov R.R. (2000) Fight against group crimes. Qualification issues. Krasnodar: KubGAU. (In Russ.)
- Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987.
Galiakbarov R.R. (1987) Qualification of multi-subject crimes without signs of complicity Khabarovsk: Khabarovsk Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs. (In Russ.)
- Карлов В.П. Формы соучастия: монография. М.: Юрлитинформ, 2018.
Karlova V.P. (2018) Forms of complicity: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018. (In Russ.)
- Клименко Ю.А., Молчанов Д.М. Множественность лиц в преступлении. М.: Проспект, 2018.
Klimenko Yu.A., Molchanov D.M. (2018) Mnozhestvennost' lits v prestuplenii. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
- Кожокарь И.П. Дефекты нормативно-правового конструирования // Вопросы российского и международного права. 2019. Том. 9. № 3А.
Kozhokar' I.P. (2019) Defects in Regulatory Design. *Vo-prosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. Vol. 9. No. 3A. (In Russ.)
- Кожокарь И.П. Дефекты нормативно-правового регулирования: монография. М.: Проспект, 2019.
Kozhokar' I.P. (2019) Defects of legal regulation: monograph. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
- Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М.: Статут, 2011.
Kolosovskii V.V. (2011) Theoretical problems of qualification of criminal-legal acts: monograph. Moscow: Statut. (In Russ.)
- Курсаев А.В. Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.
Kursaev A.V. (2015) Negligence in Russian criminal law: monograph. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)
- Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы. Санкт-Петербург, 2017.
Nazarov A.D. (2017) Investigative and judicial errors and the criminal procedure mechanism for their elimination: conceptual foundations. St. Petersburg. (In Russ.)

Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: Проспект, 2018.

Naumov A.V. (2018) Russian criminal law. A common part. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Сабитов Р.А. Теория ошибок в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2021.

Sabitov R.A. (2021) Theory of errors in criminal law: monograph. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Сибгатуллина Г.Р. Понятия «дефект права» и «юридическая ошибка» в современной юридической науке // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1.

Sibgatullina G.R. (2012) Concepts of "defect of law" and "legal error" in modern legal science. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Review of economy, the law and sociology*. No. 1. (In Russ.)

Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества. Москва, 2018.

Sokolova M.A. (2018) Identification and elimination of

defects in regulatory legal acts in the mechanism of law-making. Moscow. (In Russ.)

Соколова М.А. Дефекты юридических документов: монография. Москва: Юриспруденция, 2016.

Sokolova M.A. (2016) Defects of legal documents: monograph. Moscow: Yurisprudentsiya. (In Russ.)

Хачатурова Р.Л., Кленовой Т.В. Памятники российского права. Т. 28. Уголовные кодексы РСФСР. М.: Юрлитинформ, 2016.

Khachaturova R.L., Klenovoi T.V. (2016) Monuments of Russian law. T. 28. Criminal codes of the RSFSR. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)

Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988.

Chistyakov O.I. (1988) Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 6. Legislation of the first half of the 19th century. Moscow: Yuridicheskaya literature. (In Russ.)

Сведения об авторе

Куликов Егор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, и.о. заведующего кафедрой, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61, Россия, ✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 09.02.2021; одобрена после рецензирования 12.03.2021; принята к публикации 20.03.2021.

Information about the author

Egor A. Kulikov, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department, acting head of the department, Altai State University, 61 Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russia, ✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Contribution of the author

The author has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of this manuscript.

Information about the article

The article was submitted 09.02.2021; approved after reviewing 12.03.2021; accepted for publication 20.03.2021.